

Валерий Вотрин

СОРОК ДНЕЙ НИНЕВИИ

*И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу.
Иона, 2:11*

Уже почти год прошел, как Шепрату, чеканщик, перестал отличать правую руку от левой, но это не вызывало у него никакого беспокойства, а только одно удивление, отчего это он, человек вроде разумный и трезвый, перестал различать, где лево, где право, где запад с востоком, где север с югом, а все стало для него смешано в одно кучу, так что частенько становился он где-нибудь на перекрестке и застывал подолгу, гадая, как ему пройти туда-то и туда-го. И с ним на перекрестке стояло в раздумье множество других людей, гадая, как им пройти куда они хотели, потому что они тоже почти как год утерjali всяческое понимание того, какая у них рука левая, а какая — правая. И с ними множество их жен, детей и домочадцев ровно так же перестали находить себя и предметы в пространстве и только крутились по улицам, ничего не находя, потому что население целого огромного города, все сто двадцать с лишним тысяч человек, стало внезапно, словно дети малые, лишено способности отличать левую руку от правой, а правую — от левой, и целыми днями только и занималось тем, что спрашивало друг друга, как им пройти туда-то и туда-то.

Скажем, идет Шаррукин, гончар, по улице и видит — сосед Адом сидит под глиняным забором и плачет. «Что плачешь ты?» — спрашивает его Шаррукин. И Адом в ответ: шел он на базар, про который рассказали ему, что он всего в двухстах шагах — нужно только повернуть один раз у лавки торговца сурьмой, второй раз — там, где стоит древняя статуя, и вот ты уже на базаре, а там покупай что знаешь, никто тебя ни о чем не спросит. Сделал Адом как сказали, а никакого базара не нашел. И вот сидит плачет, и никто ему не может помочь, потому что никто не знает, где базар, а тот человек, который показал Атому, где базар, пропал, потерялся в пространстве, и никто уже не сможет сказать, как этого человека найти.

Базар, говорит Шаррукин с печалью. Когда-то и я знал, где он. Но давно прошли те времена, и теперь, когда мне нужно пройти на базар, я просто иду куда придется и случается, что нахожу базар. Правда, бывает, что для этого мне приходится обойти весь город и где-то под вечер, когда лиловый сумрак опускается на дома и деревья, я выхожу на освещенное факелами место и узнаю в нем базар — притихший вечерний базар, неузнаваемый и пустынный, на котором только и удается что добыть горсть фиников и несвежую курицу. Вот и сейчас я иду на поиски базара — хочешь ли ты пойти со мной, Адом? И Адом, ободренный, встает на ноги, и вместе они бредут на поиски базара, и по пути к ним прибивается куча других людей, тоже ищущих базар, и так вереницей они переходят с одной улицы на другую, держась друг за друга, будто слепые, и всех встречных спрашивают с надеждой — не знаешь ли, добрый человек, где базар? Может, он в конце той улицы? А может, ближе?

Так и Шепрату, чеканщик, бродил по городу часами, стремясь попасть в какое-то место, и выходил то на главную площадь, к храму Иштар, то к крепостной стене, то к роднику. И когда оказывался он у храма Иштар, никогда не приходило ему в голову вознести молитву великой богине и попросить ее избавить город и его самого от этой напасти, потому что искал он совсем другое и слишком был этими поисками поглощен. А когда наконец собирался он посетить храм Иштар, то выходил к базару, и тут уже ничего не оставалось, как хватать все, что попадалось под руку, потому что другой возможности попасть на базар могло и не случиться. Хорошо хоть дорога домой каким-то непостижимым образом была всегда известна ниневитянам — видно, затем, чтобы каждый новый день начинали они с того, что закрепляли в пространстве свой дом как центр мира и уже от него отсчитывали бесконечные свои шаги на поиски того, что было им необходимо.

Но то базар — а что было делать Шепрату в мастерской? Нужно ему взять молоток да зубило, а он и не знает, какой рукой взять одно, а какой — другое. Берет зубило левой, а думает, что правой, и бьет по молотку, а потом еще удивляется, почему не выходит узор. Сердится, кричит, ругается на молоток, а потом на жену, детей начинает гонять по дому, отлично понимая, что не их это вина. А чья — не знает.

Зато старый Тикульги знал, по какой причине несчастье пало на Ниневию. Это было наказание богов — ведь только они могли затмить людям разум, чтобы глаза у тех скосились и перепутали стороны тела.

Но сделали это не боги Ниневии или Ашшура или другого города под началом могучего царя Салманасара — нет, в других пределах, находящихся под властью чужих богов, нужно искать исток этого проклятья. В чем-то мы прогневили далеких богов, говорил старый Тикульти, сидя в тени глиняного забора. Он был незряч, и зубов у него не было, но видел он далеко, и слова произносил ясно. Или бога, добавлял он. Одного бога, но этого одного хватило, чтобы целый город забыл, с какой стороны у человека находится сердце.

Никто не слушал Тикульти, один чеканщик Шепрату, да и то потому, что Тикульти вечно попадался ему на пути. Идет Шепрату вдоль городской стены — и натывается на Тикульти, который начинает рассказывать ему о чужих богах. Или выходит Шепрату на главную городскую площадь — а Тикульти, оказывается, уже добрался сюда прежде него и расстелил свою циновку в глубокой и прохладной тени от храмовой стены. «Ты слышишь, — говорил он, смеясь и тыча в Шепрату коричневым пальцем. — Ты меня слышишь. А ведь никто больше не слышит меня». — «Знаешь ли ты, где базар?» — спрашивал у него Шепрату с надеждой, но Тикульти только отмахивался. На базар он не ходил, а кормился подаянием да тем, что падало с деревьев, чьи усеянные плодами ветви перевешивались на улицу.

В то время появился в городе странный человек с голосом громким и резким, как у верблюда. Явился он со стороны моря, и пахло от него морем — смолой, солью и рыбой, как от финикиянина. И выглядел он так, как будто был мокр много дней, а потом обсох, но остался облеплен плетями водорослей и чешуей рыб.

Шепрату первым заметил его, потому что случился возле городских ворот как раз, когда тот человек вошел и завел разговор с городской стражей, спрашивая дорогу на главную площадь. А городская стража пришла в недоумение и не нашлась что сказать, хотя до того всегда находила что сказать, а бывало — и сделать, так что мало у кого хватало духу задавать вопросы или даже вообще заговаривать с городской стражей. А тот человек не убоился, не замешкался, а просто подошел и спросил громким голосом: где тут у вас городская площадь? А стража как-то сробела и так, переглядываясь: это самое, вон там, кажется? Или постой, туда надо идти! А тот человек: точно туда? А стража: так это, вроде как оно получается туда, если не вон туда. А тот человек: да вы, что ли, право от лева не можете отличить? А стража: эй-эй, ты тут не очень-то, это самое, кто сказал, что не можем, очень даже

можем! А человек: да вижу, как можете, на простой вопрос ответа не знаете. Ну ладно, вот пойду и сам найду! И пошел — а на том месте, где стоял, только кучка сухой рыбьей чешуи осталась.

А Шепрату повлекся за ним — просто потому, что любопытствовал, как заходящий человек может найти площадь в городе, где никто не может объяснить, как ее отыскать. Поначалу он надеялся увидеть, как тот начнет блуждать по разным закоулкам, и тыкаться в тупики, и возвращаться, и тыкаться в тупики, которыми были полны улицы Ниневии, и снова возвращаться, и постепенно выходить из себя, и честить город и местных богов хриплым шепотом. Но человек шагал вперед размеренно и широко, и уверенно сворачивал, и отстранял своей палкой с пути всяких попрошаек, которые лезли к нему за подаванием, и ни разу не спросил дорогу, и вышел напрямик на городскую площадь — и вслед за ним там же оказался Шепрату, изумленный и немного напуганный. Он уже не знал, чего можно ожидать от необычно осведомленного чужеземца, и только пялился на него распахнутыми от удивления глазами.

А чужеземец так же размеренно и спокойно зашагал к царскому дворцу, и за ним тянулся горький запах моря и след из сухих чешуек, а когда дошел, то остановился, осмотрелся по сторонам и закричал невозможным голосом: «Слушайте, жители Ниневии! Слушайте слово Господне!» И пространство вокруг него моментально наполнилось людьми, словно они все вмиг прозрели, и научились различать стороны света, и прибежали к нему отовсюду, словно к центру земли, чтобы послушать, что он им скажет своим невозможным голосом.

А он откашлялся и продолжил: «Так мне повелел Господь Израиля, Господь всемилостивый и долготерпеливый — встань и иди в Ниневию, город великий, и говори его жителям: вот, злодеяния их дошли до Меня. Так повелел мне Господь: проповедай в Ниневии и скажи — минет сорок дней, и будет Ниневия разрушена за грехи ее!»

Словно звонкий камнепад, падали его слова на стопившихся вокруг него, и вздох поднялся среди них. Начали спрашивать его: что делать нам? Как спастись? Но человек их не слушал, и продолжал говорить, и невозможный его голос, громкий, как сигнальная труба, разносился вокруг, возглашая: конец Ниневии, городу великому. Вот, конец настанет через сорок дней, и никто не спасется. Так говорит Господь Бог Израиля: сорок дней еще, а потом — конец.

А в паузах, когда человек переводил дыхание, доносился от стены тихий смех старого Тикульти — ага, теперь и вы услышали. Поняли

теперь, какой бог на вас разозлился? Бог Израиля, вот какой! А вы, небось, и не слышали о такой стране. Невежество — бич наших времен!

С того дня начал ходить человек по Ниневии, меряя шагами каждую улицу, каждый закоулок и оставляя за собой след из сухой чешуи. И вскоре этой чешуей стали покрыты все улицы Ниневии, все ее площади, ибо обошел человек Ниневию за три дня, и не осталось ни одного уголка в ее стенах, хотя бы самого потаенного и укрытого от глаз людских, где бы ни лежала сухая рыба чешуя.

А за ним толпами ходили ниневитяне, и следили за каждым его движением, и ловили каждое его слово, и плакали в один голос, потому что поверили, что это — пророк. И многие оделись во вретича сразу, и те, что были недоверчивее, — попозже, но все в конце концов оделись во вретича, весь город от мала до велика, и перестали есть мясо животных, объявив голодный пост в надежде, что грехи их простятся.

А на исходе третьего дня открылись ворота дворца, и на площадь вышел сам царь Салманасар. Он тоже был одет во вретиче и был окружен одетыми во вретича придворными, и все они сели в пепел и стали слезно каяться и молить грозного Бога Израиля изменить решение и пощадить город. И Шепрату тоже зашелся в плаче, потому что увидел, что самое бедное вретиче самого младшего придворного выглядит как его, Шепрату, праздничная одежда.

И тогда старый Тикульти обратился к человеку с моря, и сказал: что же твой бог, пророк? Вот уже и царь вышел на площадь и простерся в прахе и пепле, и народ весь рыдает, и даже скот больше не пасется на зеленой траве, а трясется от страха. Пощадит ли нас твой бог, отвратит ли пылающий гнев свой?

Но человек с моря ничего не ответил, потому что был занят. Он уже больше не кричал и не возглашал, а расхаживал по городу, и останавливался на углах, и осматривался, и хмыкал, и посмеивался. Ишь, зданий понастроили, бормотал он себе под нос. Небось, думали, что на века? А вот изведаете гнев Господень и узнаете, что не на века совсем. Вон какой храм стоит — весь крепкий, стены из толстенных плит, колонны из твердого камня — а дунет Господь, и станет храм этот пылью.

И так он ходил всюду, случайно наступая на кающихся, которые лежали во прахе. Вон какая стена, бормотал он с усмешкой. Небось, думали, не рухнет? Рухнет как миленькая! Уж мы-то с Господом позаботимся.

И так истекли все сорок дней, отпущенных городу, — а на исходе сорокового пошел человек прочь из Ниневии, и выбрался за городскую стену, и добрался до близлежащего холма, и сел там с удобством, укрывшись от солнца ветвями, чтобы наблюдать, как Господень гнев будет палить город. И весь город замер в горестном ожидании, и больше никто не заходил в плаче, потому что плакать было поздно.

Но солнце закатилось и наутро взошло — а город лежал цел и невредим, разве ночью испустило дух положенное количество старых и больных да на западной окраине завалился от ветхости чей-то сарай.

Шепрату открыл глаза и понял, что дом его стоит, а вместе с домом стоит в неприкосновенности и весь город. Это обрадовало Шепрату, но он вспомнил о пророке и задумался. Был ли тот неправ, предрекая гибель городу, или многодневный покаянный пост сумел отвлечь беду? Сам не зная каким образом, он выбрался за город и побежал туда, где сидел пророк. Его слегка удивило, что он так быстро нашел дорогу, но он не стал об этом думать, а продолжил путь и вскоре оказался у холма.

Он очутился у холма и увидел, что старый Тикульти опередил его и на этот раз, потому что уже сидел рядом с пророком, поддерживая его голову своими коричневыми руками. А пророк был не похож сам на себя — он изнемог, и лишился сил, и потерял свою уверенность, и был весь в слезах. Старый Тикульти поил его водой из бутылки и приговаривал: да, да, очень хорошее было дерево, очень тенистое дерево, очень его жалко. Не плачь, а лучше еще попей. И человек сосал воду, ну точно, как младенец, только что не гулил и не чмокал.

Напоив пророка, старый Тикульти сказал: а теперь тебе нужно уходить, божий человек, потому что дело свое ты сделал, целый город спас от кары небесной. А человек, капризно: я не хотел-ел. Я хотел, чтобы его испепелили! А Тикульти: ну-ну, мало ли что ты там хотел. А человек: не хочу никуда идти — хочу умереть!

И тогда старый Тикульти сказал: ишь ты, умереть. Тебе вон дерева жалко, и себя жалко — а представь целый город, полный заблудших, и кривых, и слепых. Неужто ты бы испепелил их просто за то, что они такие? И человек просто смотрел на него снизу вверх и ничего не говорил.

Вот то-то, сказал Тикульти. А теперь вставай и иди вон туда — покажи ему, Шепрату, где начинается дорога на Таршиш. И Шепрату показал, а человек ему: не вижу. Сказал Шепрату: как не видишь —

вон же она! А человек беспомощно: не могу определить, куда идти. Тогда взял его Тикульти за руку и повел, нащупывая дорогу своим посохом, а Шепрату стоял и смотрел им вслед. Отсюда, с холма, было ясно видно, где дорога в Таршиш, Вон она, прямо — левее как раз виноградники, а справа лежит Ниневия, град великий.

Виноградники, значит, левее, а Ниневия справа.

Шепрату поднял руку, и с изумлением оглядел ее, и нашел, что она — правая. Поднял другую руку — глядь, а она левая.

Солнце взошло, и встало над его головой, и осветило город, и Ниневия стала видна вся, как на ладони.

Нельзя было медлить.

Со всех ног бросился Шепрату к городским воротам. Наверняка все сто двадцать тысяч обитателей города уже разобрались, где у них какая рука, и огляделись, и все поняли.

Теперь они знали, как найти базар. Надо было успеть туда прежде них, пока все не расхватали.

